

---

## ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

### Библия и царская власть <sup>1)</sup>.

Недавно московскія газеты сообщали, что одно духовное лицо, занимающее въ Москвѣ высокій санъ, назвало участие въ государственной думѣ въ качествѣ народныхъ представителей дѣломъ богопротивнымъ. Этотъ удивительный фактъ не представляетъ собою исключительнаго явленія. Въ своихъ проповѣдяхъ наше духовенство, не исключая и высшаго, нерѣдко выражаетъ мысль, что монархизмъ и самодержавіе есть форма правленія, Самимъ Богомъ установленная, заповѣданная библией и неразрывная съ православіемъ. Каково отношеніе неограниченнаго монархизма къ православію, и полезенъ ли онъ для православія, мы говорили въ майской книжкѣ нашего журнала. Теперь считаемъ не лишнимъ выяснитъ отношеніе библии къ царской власти.

По библейскому представленію, всякая высшая власть, какъ назначенная для осуществленія закона Божія и вообще добра, является органомъ Божественной власти, ея представительствомъ, служеніемъ Богу. Лица, облеченные властью, могутъ быть хорошими и дурными, благочестивыми и нечестивыми; но власть, какъ учрежденіе, всегда должна быть предметомъ почитанія, какъ Божественное установленіе. „Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ, ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены“ (Рим. 13, 1). Характеръ Бо-

---

<sup>1)</sup> Статья эта была написана до 17 октября. Но думаемъ, что и теперь она не совсѣмъ потеряла свое значеніе. Въ ежемѣсячномъ изданіи по необходимости приходится опаздывать.

жественнаго установленія и обязательнаго авторитета имѣеть всякая высшая власть, въ какой бы формѣ она ни выражалась. Въ своихъ послѣднихъ увѣщаніяхъ Моисей повелѣваетъ народу еврейскому во всѣхъ недоумѣнныхъ случаяхъ „приходить къ священникамъ, левитамъ и къ судьямъ, который будетъ въ тѣ дни“, и поступать по слову ихъ, грозя за неповиновеніе священнику или судьямъ, какъ за неповиновеніе Самому Богу, смертью. Съ учрежденіемъ же царской власти народъ долженъ будетъ также подчиняться царю (Втор. 17, 8—20). Никакая форма народнаго правленія не представляется въ библіи постоянной, неизмѣнной и неизблемой. Онѣ мѣнялись или въ силу историческихъ обстоятельствъ или съ развитіемъ національнаго самосознанія по волѣ самого народа.

По занятіи Ханаана евреи совсѣмъ не имѣли постояннаго органа управленія. Такъ называемые судьи выступали лишь въ отдѣльные моменты, во времена великихъ народныхъ бѣдствій, да и въ это время не брали на себя обязанностей полновластнаго управленія народомъ. Израильтяне говорили Гедеоцу: „владѣй нами“, но онъ отказался отъ соблазнительнаго предложенія, сказавъ: „ни я не буду владѣть вами, ни мой сынъ не будетъ владѣть вами; Господь владѣетъ вами (Суд. 8, 22—23). Сынъ Гедеона Авимелехъ, болѣе властолюбивый, чѣмъ его отецъ, задумалъ объединить въ своихъ рукахъ всю власть и образовать царство. Онъ говорил сихемлянамъ: „что лучше для васъ, чтобы владѣли вами всѣ семьдесятъ сыновъ Іеровааловыхъ (т. е. Гедеона), или чтобы владѣлъ одинъ?“ Сихимлянамъ показалось почему-то, что послѣднее лучше; и они воцарили надъ собою Авимелеха, который началъ съ того, что для упроченія своего положенія умертвилъ всѣхъ своихъ братьевъ, за исключеніемъ одного—Іоама. Узнавъ объ этомъ Іоамъ предостерегалъ Сихемлянъ отъ изъ опаснаго шага такую притчею. Задумали деревá помазать надъ собою царя и сказали маслинѣ: царствуй надъ нами. Но маслина отвѣтила имъ: оставлю ли я масло, которымъ чествуютъ боговъ и людей, и пойду ли скитаться по деревьямъ? Предлагали смоковницѣ и виноградной лозѣ, но и эти отказались отъ власти, не желая разстаться съ своими добрыми плодами. Лишь терновникъ изъявилъ свое согласіе принять царскую власть и поконть

своею тѣнью подданныхъ. Предостереженіе Іоама не возымѣло силы. Авимелехъ воцарился, но скоро былъ наказанъ Богомъ за свое чрезмѣрное властолюбіе (Суд. гл. 9).

При отсутствіи постоянного органа правленія въ періодъ судей народомъ еврейскимъ, собственно говоря, управлялъ самъ народъ. Всѣ важнѣйшія дѣла, касающіяся судьбы и интересовъ всего народа, рѣшались на общенародныхъ собраніяхъ, на которыя весь израиль являлся, какъ одинъ чловѣкъ (ср. Суд. 1, 1; 8, 22; 11, 17. 19; 20, 8; 1 Цар. 8, 19). Менѣе важные вопросы подлежали вѣдѣнію старѣйшинъ народа (Суд. 11, 5 и д.; 1 Цар. 4, 3; 16, и др.). Послѣдніе, не будучи въ собственномъ смыслѣ выборными людьми, являлись естественными главами фамилій, родовъ, племенъ и представляли собою народъ по праву первородства. Такъ какъ воля народа по идеѣ должна была опредѣляться волею Божіею, выраженной чрезъ жребій (уримъ и туммимъ) или чрезъ прямое повелѣніе, то форму правленія за время судей можно назвать теократическимъ народовластіемъ.

Внѣшнія печальныя условія существованія съ одной стороны и развитіе національно-политическаго сознанія съ другой—вызвали въ еврейскомъ народѣ потребность объединенія народныхъ интересовъ въ единоличной власти. Первоначально религіозная община („царство священниковъ“ и „народъ святой“—Исх. 19, 6), непосредственно управляемая Самимъ Іеговой, все болѣе и болѣе стремилась превратиться въ общину гражданскую. Религіозное сознаніе и религіозные интересы уступали свое мѣсто сознанію и интересамъ политическимъ. Понятно, что возникшая благодаря этой эволюціи идея царской власти не могла встрѣтить Божественнаго одобренія. „Не тебя они отвергли, говорилъ Богъ Самуилу, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовалъ надъ ними“ (1 Цар. 8, 7). Однако не въ этомъ только была причина несочувственнаго отношенія Іеговы къ учрежденію царской власти. Послѣдняя, по восточному обычаю будучи неограниченной, наносила ущербъ не только власти и правамъ Іеговы, но вмѣстѣ съ тѣмъ власти и правамъ *народа*; она грозила опасностью не только теократіи, но и *свободѣ* народной. Самъ Іегова предупреждаетъ народъ объ этой опасности, говоря; „онъ (т. е. царь) возьметъ для служенія себѣ сыновей вашихъ и дочерей вашихъ, лучшія ваши

поля, виноградные и масличныя сады отдасть слугамъ своимъ; и сами вы будете ему рабами; и возстаете тогда отъ царя вашего (1 Цар. 8, 11—18). Немного потребовалось времени, чтобы убѣдиться евреямъ въ справедливости словъ Іеговы. Уже по смерти Соломона десять колѣнъ израильскихъ вынуждены были просить сына его Ровоама облегчить иго, наложенное на нихъ Соломономъ, а получивъ отказъ, отложились отъ Ровоама и образовали самостоятельное царство. Съ учрежденіемъ царской власти у евреевъ не потеряли своего значенія и старѣйшины, по прежнему оставаясь представителями народа, выразителями его воли и его интересовъ, защитниками его правъ и свободы, въ нѣкоторомъ родѣ ограничивавшими власть царя. Сами цари еврейскіе въ важныхъ случаяхъ считали себя обязанными обращаться къ ихъ совѣту (3 Цар. 8, 1; 20, 7 и д.; Цар. 4, 23 1; 2 Цар. 19, 11).

Съ возвращеніемъ іудеевъ изъ плѣна высшая власть надъ народомъ снова переходить въ руки самого народа. Всѣ наиболѣе важныя дѣла, касавшіяся всего населенія, какъ напр. установленіе богослуженія, поставленіе священниковъ и левитовъ по чредамъ (Ездр. 3, 1. 8; 6, 18), освященіе храма (6, 16), признаніе обязательности закона Моисеева (Неем. 8, 1), распредѣленіе жителей по городамъ (—11, 1), рѣшались на общенародныхъ собраніяхъ въ Іерусалимѣ. Только практическія неудобства побуждали иногда общее собраніе передавать свои полномочія старѣйшинамъ и начальникамъ (Ездр. 10, 9—17). Для благочестиваго сознанія іудея этой эпохи время царей казалось уже временемъ нечестія и злыхъ дѣлъ (Неем. 9, 34). Да оно такимъ и было въ дѣйствительности.

Итакъ библія не указываетъ и не признаетъ какой-либо опредѣленной идеальной или наилучшей формы государственнаго устройства. Смѣняя другъ друга по требованію историческихъ обстоятельствъ или по волѣ народа, каждая изъ нихъ одинаково имѣетъ для своего времени обязательный авторитетъ Божественнаго установленія. Въ частности, что касается неограниченнаго монархизма, то не только нигдѣ въ библіи онъ не представляется наиболѣе совершенной формой государственнаго управленія, но наоборотъ библія указываетъ въ немъ элементы мало совмѣстимые съ благомъ народа и религіозными идеалами.

Ясно, что искать въ библіи указанія на монархизмъ съ характеромъ абсолютизма, какъ на обязательную и идеальную форму государственнаго устройства, можетъ лишь или недоразумѣніе или недобросовѣстность.

15 октября.

### Къ характеристикѣ монашества второй половины XIX вѣка.

Весьма интересныя записки протоіерея Пѣвницкаго, напечатанныя въ *Русской Старинѣ*, даютъ много правдиваго матеріала для характеристики нашего ученаго монашества второй половины прошлаго столѣтія. Впечатлѣніе получается весьма удручающее. Передъ нами въ большинствѣ случаевъ проходятъ люди, которыхъ нельзя назвать не только истинными монахами, но даже и порядочными христіанами. Мы не говоримъ уже о такихъ удивительныхъ экземплярахъ ученаго монашества, какъ напр. развратникъ-пьяница іеромонахъ Димитрій, инспекторъ тамбовской семинаріи, атеистъ, грязный циникъ и іезуитъ - іеромонахъ Геронимъ, преподаватель и помощникъ инспектора той же семинаріи, ректоръ архимандритъ Адрианъ и инспекторъ архимандритъ Лаврентій, надъ малоуміемъ и странными дѣйствіями которыхъ постоянно потѣшались ученики. Гдѣ же причина этого, можно сказать, несчастья церкви русской, судьбами которой управляетъ монастырь? Она по мнѣнію автора<sup>1)</sup> въ томъ, что громадное большинство монаховъ были люди, совершенно къ монашеству непризванные и увлеченные лишь приманками карьеры. Тогда существовала и господствовала жалкая система вербовки въ монашество студентовъ по всѣмъ академіямъ. Начальствующее монашество считало какъ бы своею обязанностью тѣми или другими способами располагать студентовъ къ монашеству, и успѣхъ въ этомъ ставился ему въ заслугу. И студенчество часто легко улавливалось на пускаемыя для этого разныя приманки, и инныя личности даже въ продолженіе ученія становились монахами-студентами за долго до окончанія курса. Такимъ монахамъ и жилось вольготнѣе, подѣ особымъ къ нимъ благоволеніемъ начальства, которое давало имъ удобныя помѣщенія каждаму, гдѣ они жили отдѣльнымъ хозяйствомъ и съ нѣко-

<sup>1)</sup> Передаемъ мысли автора съ сохраненіемъ его стиля.

торымъ комфортомъ. По выходѣ изъ академіи одни изъ нихъ—лучше, предпочтительно передъ другими, оставались при академіи бакалаврами, а другіе, не въ примѣръ прочимъ, прямо посылались инспекторами въ семинаріи, затѣмъ скоро и въ ректоры, а далѣе при небольшой сноровкѣ и искусствѣ терпѣнія недалеко и до вождѣннаго архіерейства, этого апогея мечтаній и упованій во всю жизнь свою каждаго такого монаха до гробовой доски. Счастливы были, посвоему конечно, тѣ изъ нихъ, которые сильно охватывались мечтою объ отдаленномъ въ перспективѣ архіерействѣ, и тѣмъ могли уламывать всѣ неподобающія имъ стремленія молодого и развитого человѣчества къ живой дѣятельности ума и сердца. Они смирно, подобострастно и раболѣпно подвигались ладно и чинно все дальше и добрались благополучно и скоро до предмета своихъ вождѣненій, къ которымъ и направляли всѣ свои тихенькіе подходы. Но что было дѣлать монахамъ, въ которыхъ свои натурные идеалы засѣли крѣпко и до того ими овладѣвали, что предъ ними становилась безсильною и умолкала вождѣнная мечта объ обстоятельной перспективѣ къ архіерейству? Въ разочарованіи, тоскѣ и раздраженіи оставалось влачить свою жизнь. И много такихъ неудачниковъ сгубила эта несчастная вербовка въ монашество,—раннее, незрѣлое. Не приносила она пользы и разнымъ удачникамъ, хоть и доводила ихъ до высшихъ ступеней въ видимомъ почетѣ и власти. Она портила ихъ нравственно до того глубоко, что отъ этой порчи и сами они страдали не Христовымъ страданіемъ—не во спасеніе и другимъ причиняли много зла, особенно около стоящимъ и подчиненнымъ. Да и не могло быть иначе. Эти удачники насквозь пропитывались карьеризмомъ. Въ самомъ началѣ карьеры они должны были сдѣлать рискованный скачекъ—своего рода *Salto mortale*,—такое трудное дѣло подвижничества, на которое рѣшаются съ великимъ страхомъ и люди умудренные опытомъ жизни въ старости,—это принятіе великаго иноческаго постриженія съ клятвеннымъ отреченіемъ отъ мірскихъ благъ и конечно отъ карьеризма. Пройти эту процедуру едва ли легко и легкомысленному юношеству, какъ бы ни поднимало его разное мечтательное увлеченіе;—и ему при этомъ неизбѣжно приходится много передумать тяжелыхъ думъ и много потрудиться надъ обра-

боткой своей еще свѣжей юношеской совѣсти, чтобы сдѣлать ее покладистой и податливою, способною на всѣ компромиссы, выгодные въ удобномъ достиженіи себѣ того, отъ чего отрекался клятвенно при постриженіи. И удачники, повидимому, благополучно все это проходятъ. Но здѣсь уже въ нихъ закладывается прочное и глубокое начало той нравственной язвы, которая, иссушая благотворныя начала христіанской любви, развивала самолюбіе—эгоизмъ, и благую совѣсть обрабатывала въ лукавую, доводя часто и до совѣсти сожженной, по выраженіямъ апостольскимъ. Эта язва, какъ болѣзнь, не могла не производить въ нихъ внутреннихъ страданій, каковыя нужно было терпѣть не во спасеніе, а въ карьеристскомъ мечтаніи о благопріятномъ исходѣ къ вождельному. А въ виду благопріятнаго исхода неизбежно было проходить тяжелую процедуру всѣхъ видовъ грѣшнаго человѣкоугодія — ухаживанія, низкопоклонства, пресмыкательства, раболѣпства и всяческаго лакейства; и на этомъ грязномъ пути привыкать къ его грязи въ постыдномъ равнодушіи къ добру и злу, но неравнодушіи къ одной своей карьерѣ. Послѣднее злокачество до того бываетъ напряженно, что всякій удачникъ чутко слѣдитъ и зорко сторожитъ за всѣми моментами, гдѣ чувствуется повышение, отличіе, награды, чтобы не прозвѣвать, и по часту въ тайнѣ проливаетъ горькія слезы, если обошли, а почти постоянно въ страхѣ, какъ бы чѣмъ не обошли. Находясь въ такой удушливой атмосферѣ и продѣлывая постоянно разную опасную эквилибристику, можно ли не искалѣчиться нравственно, когда удается подняться на высоту и очутиться среди своихъ безответственныхъ подчиненныхъ, отъ которыхъ пріятно имѣ встрѣчать низкопоклонство, раболѣпство. А извѣстно, что нѣтъ хуже господина, ставшаго имѣ изъ вчерашняго раба. И если возмутительно рабство предъ властями мірскими, то неизмѣримо возмутительнѣе видѣть рабство передъ владыками духовными.

Авторъ записокъ припоминаетъ, какъ антипатично относился къ тогдашнему ученому монашеству профессоръ казанской академіи Гусевъ. Онъ возмущался тѣмъ обстоятельствомъ, что молодые студенты иногда рѣшались поступать въ монашество изъ-за парты,—что монашествующее начальство не только ихъ не удерживало отъ незрѣло-ранняго рѣ-

шенія, но всеми мѣрами къ тому поощряло и уговаривало,—что студента, сдѣлавшагося монахомъ, даже посредствомъ, несправедливо возвышали въ число лучшихъ, давали оканчивать курсъ магистромъ, и назначали прямо на инспекторское мѣсто въ семинаріи, съ легкимъ ходомъ впередъ къ архіерейству,—что такое монашество плодитъ только карьеристовъ, которые вѣроломно и клятвопреступленно принимая великое постриженіе, имѣютъ въ виду только удобное возвышеніе впередъ къ власти, почестямъ и богатству; что принципъ истиннаго монашества чрезъ это антихристіански извращается, плодя въ ученыхъ такого склада монаховъ только евангельскихъ книжниковъ и фарисеевъ, возсѣдавшихъ на Моисеевомъ сѣдалищѣ, на горе себѣ и другимъ не на радость. Онъ высказывалъ всегда съ сожалѣніемъ, что начальство академіи—ректоры непрестанно и слишкомъ часто мѣняются, чѣмъ много колеблѣютъ строй академіи и стихійно распатываютъ въ ней то, что исторически складывалось въ прочное основаніе, дѣйствуя по своему личному вкусу и тенденціямъ, какъ на перепутьи къ другой высшей карьерѣ. „Охъ, эти наши, каламбурилъ онъ, монахи,—имена, кончающіяся на ахи. Они и въ математикѣ съ физикой находятъ ереси, отвлекающія отъ царства небеснаго“.

Въ ученое монашество своего времени протоіерей Пѣвницкій подмѣтилъ странную повидимому черту, что даже люди большого ума и добраго сердца, какъ напр. епископъ Николай, окружали себя личностями бездарными, съ низкою нравственностью, безъ образованія, жадными до денегъ и до водки, напротивъ очень холодно и невнимательно относились къ людямъ умнымъ и ученымъ, къ профессорамъ семинарій и священникамъ академистамъ. Причину этого страннаго и до сихъ поръ наблюдаемаго явленія авторъ видитъ въ глубоко гнѣздившемся въ епископахъ духѣ внутренней *гордыни*, въ томъ традиціонномъ недугѣ нашего епископства, о которомъ ап. Павелъ говорилъ ученику своему Тимоею. Этотъ недугъ издавна поражаетъ многихъ нашихъ епископовъ. Зараженные этою язвою, иные епископы становятся въ холодное, неприступное положеніе идоловъ, предъ которыми нужно только благоговѣть, преклоняться и пресмыкаться. Тутъ сказалось отчасти вліяніе крѣпостни-



чества, проникшее и въ наше духовенство, сдѣлавшее епископа „господиномъ нашимъ“ и владыкою, а священниковъ— рабами и нижайшими послушниками. Епископъ поставленъ на недосыгаемой высотѣ для священника, будь онъ и протоіерей,— и всѣмъ обставленъ какъ полновластный господинъ, а священникъ бьется изъ-за своихъ правъ, какъ рыба объ ледъ, и съ усиленіемъ выбиваетъ себѣ даже кусокъ насущнаго хлѣба. При такомъ неравновѣсіи, при такихъ противоположныхъ крайностяхъ, между которыми отсутствуетъ истинное Христово братство, вслѣдствіе того засѣдаетъ на одной сторонѣ властолюбивая гордыня, а на другой осѣдаетъ приниженное рабство, вопреки церковному строю по духу Христа и апостоловъ, и происходили прежде,— да и теперь ихъ не мало,— такія явленія, что и лучшіе, изъ епископовъ болѣе склоняются къ раболѣпной посредственности и бездарности, даже низменной нравственности, своею благосклонностью, чѣмъ къ уму, учености, убѣжденности и стойкой нравственности, не допускающей низкаго раболѣпія, во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ подчиненному имъ духовенству, потому что первые атрибуты пріятно удовлетворяли жажду угнетающаго ихъ недуга, а послѣдніе атрибуты этой жажды не только нимало не удовлетворяли, а еще злѣе ее растравляли и разжигали.

Съ глубокою любовью останавливается авторъ записокъ на трагической личности архимандрита Θεодора Бухарева. Отецъ Θεодоръ былъ истинный монахъ, человекъ не отъ міра сего, глубокий внутренній созерцатель—аскетъ, искренне-религіознаго духа, во свѣтѣ слова Божія—Христа Богочеловѣка. Отрекшись отъ всего мірскаго, удалившись отъ всякой житейской суеты, не интересуясь никакими земными благами, онъ и жилъ идеально-монашески, уединенно, келейно-одиноко. Даже въ средѣ своихъ собратій по иноческому обѣту, ректора и профессоровъ-монаховъ, онъ чувствовалъ себя одиноко, не находя нужной общности въ интересахъ. И это понятно. Тѣ монахи, среди которыхъ онъ жилъ въ академіи, были люди вполне отъ міра сего. Они и поступили въ монашество для карьеры, для власти, богатства и почестей. И всѣ ихъ интересы большею частью вращались около однихъ этихъ мірскихъ благополучій, къ которымъ стремилась ихъ алчущая и жаждущая душа. И любимые разговоры

У нихъ въ частныхъ компаніяхъ были больше о томъ, кто на какое мѣсто переведенъ, кто какую получилъ награду, кого этой наградой обошли, кого повысили, кому ходу не даютъ, какой архіерей имѣетъ доходную епархію, гдѣ онъ большіе доходы получаетъ отъ Почаевской лавры или Саровской пустыни и т. п. Всѣмъ этимъ о. Теодоръ интересовался какъ прошлогоднимъ снѣгомъ. Душа его была занята учеными интересами и жаждала одной правды Христовой. А потому онъ былъ большею частью скученъ и грустенъ въ компаніи своихъ собратій. Этого то человѣка оторвали отъ профессорской ученой службы, чтобы повести по тѣмъ ступенямъ карьеры, по которымъ съ легкостью не монашескою удобно идетъ наше ученое монашество. И это привело его къ роковому шагу. На тотъ фактъ, что архимандритъ Теодоръ снялъ съ себя монашескій санъ и женился, въ свое время смотрѣли, какъ на скандалъ въ монашескомъ мірѣ, и весь позоръ этого скандала возлагали на одну голову бѣднаго Бухарева. Но смыслъ его ясенъ. Въ средѣ современнаго монашества, и особенно ученаго, такому монаху, какимъ былъ Теодоръ, не могло быть мѣста. Его свѣтлая и глубокая личность не укладывалась въ рамки тогдашняго ученаго иночества.

Сдѣланный протоіереемъ Цѣвницкимъ діагнозъ монашескаго недуга, свойственнаго конечно далеко не всѣмъ монахамъ, намъ кажется совершенно справедливымъ. Микробы, подточившіе здоровье этого когда—то оказавшаго громадныя услуги церкви института, развились въ тѣхъ благахъ мірскихъ, которыя такъ легко снискиваются отрешившимися отъ нихъ. Затрудненіе доступа къ этимъ благамъ служить лучшимъ средствомъ для оздоровленія монашества. Необходимо, чтобы на полученіе не только высшихъ должностей въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, но и епископскаго сана, имѣли одинаковыя права съ монахами неженатые и вдовы священники, а также лица свѣтскаго званія. Необходимо далѣе, чтобы всякое назначеніе монаховъ производилось на основаніи выборнаго начала. Только въ такомъ случаѣ, прежде чѣмъ мечтать о возжелѣнномъ епископствѣ, монахъ долженъ будетъ позаботиться о томъ, чтобы оказать услуги церкви, а не случайнымъ своимъ патронамъ.

### Опасные симптомы въ жизни русской церкви.

Нѣкоторые наши архипастыри нерѣдко въ послѣднее время повторяютъ мысль, что надо примириться съ фактомъ окончательнаго отпаденія интеллигенціи отъ церкви, что церковь теперь не для интеллигенціи и интеллигенція не для церкви. Правда, эта мысль выражалась обыкновенно въ связи съ пропагандой монархическаго абсолютизма и по поводу освободительнаго движенія. Правда, есть нѣкоторыя основанія подозрѣвать, что эти архипастыри склонны были отождествлять, если не себя съ церковью, то свои взгляды съ общецерковными и называть отпаденіемъ отъ церкви игнорированіе ихъ церковнаго авторитета. Правда, еще болѣе основаній утверждать, что нравственно-соціальныя воззрѣнія интеллигенціи стоятъ ближе къ евангельскимъ идеаламъ, чѣмъ воззрѣнія этихъ архипастырей. Но все это мало смущало ихъ, и они повидимому съ полнымъ спокойствіемъ духа примирились съ констатируемымъ ими фактомъ. Однако сложивъ такимъ образомъ съ текущаго счета довольно значительный процентъ паствы, наши архипастыри едва ли могутъ вполне успокоить себя. Нарождаются новые факты, угрожающіе церкви едва ли не большею опасностью.

Церковный разрывъ медленными, но, кажется, твердыми шагами идетъ въ глубь самой церкви и хочетъ повидимому вступить въ предѣлы самаго алтаря. Не такъ давно мы были свидѣтелями, какъ извѣстное посланіе св. синода вызвало недовольство не только интеллигенціи, но многихъ пастырей. Недовольство было настолько сильно, что нѣкоторые священники рѣшались открыто осуждать посланіе. Мы видѣли, какъ группа лучшихъ петербургскихъ священниковъ, отправляясь отъ факта 9 января, не дожидаясь почина синодскаго, сдѣлала самостоятельную попытку къ нормированію церковной жизни. Свою записку о церковной реформѣ она рѣшила напечатать даже и въ томъ случаѣ, если бы не дано были на то святительскаго благословенія. Мы знаемъ о томъ, какъ неодобрительно былъ встрѣченъ въ средѣ лучшаго московскаго духовенства рѣзкій и несправедливый отзывъ еп. Никона о рефератѣ г. Попова. На собраніи Общества любителей духовнаго просвѣщенія было постановлено составить „достойный“ отвѣтъ еп. Никону. Всѣмъ извѣстно,

наконецъ, что нѣкоторые московскіе священники не читали слова „Что намъ дѣлать“, предписаннаго къ произнесенію на 16 октября высшею епархіальною властью; а чрезъ нѣсколько дней въ *Русскомъ Словѣ* появился горячій и мужественный протестъ московскихъ пастырей противъ насилія надъ ихъ совѣстью со стороны митрополита. Факты эти, кажется, ясно показываютъ, что нравственный авторитетъ нашей церковной власти падаетъ не только въ средѣ интеллигенціи, но и въ бѣломъ духовенствѣ. Ясно также, что во всѣхъ этихъ случаяхъ бѣлое духовенство оказывается солидарнымъ съ той самой интеллигенціею, которую такъ быстро и такъ рѣшительно исключили изъ церкви нѣкоторые наши архипастыри.

Отчего это происходитъ, и къ чему это ведетъ? То и другое легко понять, если не забывать той строгой параллели, въ какой развивается жизнь общественная и церковная.

Строй нашей церкви за все время монархическаго правленія въ Россіи представлялъ собою точную и конечно печальную копію строя государственнаго. Не говоря уже о подчиненіи церковной власти государственной, въ самомъ церковномъ мірѣ царилъ тотъ же, что и въ государственной жизни, бюрократическій принципъ, тотъ же, если не монархическій, то аристократическій абсолютизмъ, который лишалъ членовъ церкви и высшее духовенство законной доли ихъ личной христіанской и церковно-общественной свободы, оправдывалъ безправіе однихъ, произволь и насиліе, не только нравственное, но и виѣшнее, со стороны другихъ. Какъ монархическій режимъ не соответствовалъ истинному достоинству человѣка, попирая дарованную ему Богомъ свободу, и терпимъ лишь при отсутствіи у народа яснаго сознанія общечеловѣческихъ правъ, такъ и церковный бюрократизмъ несовмѣстимъ съ достоинствомъ христіанина, какъ члена церкви Христовой, какъ носителя Духа Святаго. Свобода человѣка, какъ гражданина и какъ христіанина, имѣетъ въ сущности одно и тоже нравственное основаніе. Вотъ почему съ пробужденіемъ политическаго сознанія народа растетъ и церковное самосознаніе—жажда свободы и активнаго участія въ религіозной жизни общества. Вотъ почему первые клики въ защиту христіанской свободы раздались среди нашихъ прогрессистовъ. Вотъ почему наша интелли-

генція болѣе чѣмъ кто либо возмущалась ненормальностью нашего церковнаго строя. И кто знаетъ, не былъ ли тутъ данъ первый толчекъ къ такъ называемому отпаденію ея отъ церкви? Вотъ почему, наконецъ, и въ лучшихъ представителяхъ нашего бѣлаго духовенства энергичные голоса въ защиту церковной свободы раздались одновременно съ ихъ хотя и робкими привѣтами зарождающейся политической свободѣ.

Проснувшаяся въ бѣломъ духовенствѣ жажда церковной свободы, стремленіе къ освобожденію церкви отъ воцарившагося въ ней бюрократизма, къ возвращенію всѣмъ членамъ церкви правъ на активное участіе въ церковной жизни, постепенно усиливаясь, найдетъ себѣ сильную поддержку въ обществѣ, съ которымъ у бѣлаго духовенства скоро выяснятся общіе и церковные, и общественные идеалы. Уже теперь едва ли не на всѣхъ епархіальныхъ сѣздахъ наше духовенство къ его великой чести высказалось за соборное управленіе во всѣхъ инстанціяхъ и за выборное начало. Наши же епископы, насколько намъ извѣстно, еще не выразили желанія, чтобы ихъ избирали міряне и священники, чтобы вмѣстѣ съ ними на церковномъ соборѣ засѣдали представители тѣхъ и другихъ и т. д. Полгода назадъ пытаюсь заглянуть въ ближайшее будущее, мы говорили, что съ введеніемъ народнаго представительства наше духовенство займетъ вѣроятно различное положеніе въ политической жизни народа, что епископы будутъ представителями абсолютизма власти, защитниками бюрократическихъ идеаловъ, напротивъ бѣлое духовенство, живыми нитями связанное съ обществомъ и лично не заинтересованное въ политическомъ и церковномъ бюрократизмѣ, окажется на сторонѣ интересовъ и правъ народа. Вышеуказанные факты и многіе другіе показываютъ, что предположеніе наше начинаетъ оправдываться.

Въ виду обозначившейся уже солидарности бѣлаго духовенства и общества можно быть почти увѣреннымъ, что борьба объединеннаго духовенства съ епископскимъ абсолютизмомъ не можетъ кончиться побѣдой послѣдняго. Къ чему можетъ повести этотъ разрывъ въ духовномъ мірѣ, предугадать конечно трудно. Несомнѣнно только то, что онъ принесетъ страшный вредъ церкви. Единственное средство предотвратить падвигающуюся опасность, это—теперь же, не до-

жидаясь открытаго разрыва въ духовенствѣ, и какъ можно скорѣе, отказаться отъ абсолютизма монашескаго и епископскаго и дать права бѣлому духовенству вмѣстѣ съ мірянами, какъ на предстоящемъ общецерковномъ соборѣ, такъ и въ постоянномъ церковномъ управленіи.

### Пробужденіе московскаго духовенства.

Съ добраго почина небольшой по количеству, но цѣнной по своему идейному содержанію, группы петербургскихъ пастырей и наше провинціальное духовенство довольно быстро и дружно стало выходить изъ своего оцѣпененія. Во многихъ епархіяхъ уже состоялись или подготавливаются съѣзды духовенства, посвященные вопросамъ, далеко выходящимъ за предѣлы мѣстныхъ епархіальныхъ интересовъ, касающимся реформы духовно-учебныхъ заведеній и вообще церковной жизни. Результаты, къ которымъ приходятъ съѣзды или подготавливаются къ нимъ работы, могутъ удивить свѣжестью и здравостью идей тѣхъ, кто считалъ наше духовенство безнадежно погруженнымъ съ сферу узкихъ личныхъ или сословныхъ интересовъ и видѣлъ въ немъ вольныхъ и убѣжденныхъ ретроградовъ. Но среди епархій, готовыхъ стать на путь церковнаго обновленія, къ своему удивленію и вмѣстѣ съ тѣмъ—сожалѣнію, мы не находили наиболѣе близкой и дорогой намъ—епархіи Московской. Для нея какъ будто безслѣдно пронеслось принявшее уже столь обширные размѣры церковное и общественное движеніе. Москва продолжала оставаться тою же, что и нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Казалось, что она озабочена не столько дѣйствительнымъ благомъ церкви, сколько полученіемъ аттестата благонадежности съ Страстнаго бульвара. Казалось, что ярко сіявшій въ старину свѣтъ московской церкви похороненъ подъ мрачными сводами Успенскаго собора. Правда, одно время говорили въ печати о проектѣ церковной реформы, принадлежащемъ будто московскому духовенству. Но въ виду категорическаго отказа отъ права собственности со стороны самого духовенства, можно думать, что проектъ былъ дѣломъ какого нибудь добраго человѣка, позаботившагося о репутаціи столичнаго духовенства. Съ искреннею радостью поэтому мы узнали изъ газетъ, что на собраніи членовъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія 6 и 13 октября подавляю-

щее большинство московскаго духовенства, не смотря на рѣзкій, не архіерейски выраженный протестъ епископа Никона, выразило свое полное сочувствіе реферату г. Попова о необходимости активнаго участія духовенства въ современномъ общественномъ движеніи, причемъ рѣшило составить достойный отвѣтъ еп. Никону и просить митрополита опредѣленно назначить время для общепархіального съѣзда изъ депутатовъ духовенства (*Русскія Вѣд.* 17 окт.). Подробности упомянутыхъ собраній даютъ нѣкоторое основаніе предполагать, что молчаніе московскаго духовенства было отчасти (говоримъ „отчасти“ потому, что вполнѣ оправдать его сторонними причинами едва ли можно) дѣломъ архипастырской опеки еп. Никона, хотя въ тоже время и страннымъ кажется, какимъ образомъ человѣкъ, не получившій совсѣмъ высшаго богословскаго образованія, могъ играть такую руководственную роль для духовенства, въ средѣ котораго множество лицъ академическаго образованія и извѣстныхъ своими научными богословскими трудами. Такъ это или нѣтъ, во всякомъ случаѣ мы ждемъ и вѣримъ, что близкое намъ московское духовенство займетъ подобающее ему мѣсто въ движеніи общественномъ и церковномъ и съ полною настойчивостью и энергіею будетъ стремиться къ осуществленію теперь довольно уже ясно намѣченныхъ для бѣлаго духовенства цѣлей.

### **Лебединая пѣсня политиканствующаго духовенства.**

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (16 окт.), въ этомъ, къ счастью, теперь бездыханномъ и безобразномъ трупѣ, было напечатано слово („Что намъ дѣлать въ эти тревожные дни?“), которое по распоряженію высшей московской епархіальной власти должно было быть произнесено 16 октября во всѣхъ храмахъ Москвы. Такъ какъ не всѣ наши читатели имѣютъ возможность познакомиться съ нимъ, то мы приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ этого замѣчательнѣйшаго произведенія церковнаго проповѣдничества начала 20-го вѣка.

О еслибы знали наши несчастные рабочіе, кто ими руководитъ, кто подсылаетъ къ нимъ смутьяновъ-подстрекателей, то съ ужасомъ отвергнулись бы отъ нихъ, какъ отъ гадинъ ядовитыхъ, какъ отъ зачумленныхъ животныхъ! Вѣдь это—такъ называемые „соціалъ-демократы“, это—революціонеры, давно отрехшіеся отъ Бога въ дѣлахъ своихъ, они отрелись,

а можетъ быть, и вовсе не знали вѣры христіанской, поносять ея служителей, ея уставъ, издѣваются надъ ея святынями... Въ своихъ тайныхъ секретныхъ протоколахъ они называютъ насъ, христіанъ, прямо скотами, которымъ Богъ далъ, говорятъ они, образъ человѣчскій только для того, чтобы имъ, якобы избранникамъ, непротивно было пользоваться нашими услугами... Они всячески стараются вытравить изъ души или по крайней мѣрѣ извратить святое учене Христово: такъ, заповѣдь Христова говорить: не укради, не пожелай себѣ ничего чужаго, а они говорятъ: все общее, бери у богатаго все, что тебѣ нравится. Заповѣдь Христова говорить: дѣлись съ ближнимъ твоимъ послѣднимъ кускомъ, послѣдней копѣйкой, а они учатъ: отнимай у другихъ все, что тебѣ надобно. Заповѣдь Христова говорить: воздадите Кесарева Кесареви, Бога бойтесь, Царя чтите, а они говорятъ: никакого царя не нужно, царь-тирань... Заповѣдь Христова велить полагать души своя за други своя, а они учатъ губить людей ни въ чемъ неповинныхъ, убивать ихъ только за то, что они несогласны съ ними, не идутъ на разбой...

Пора намъ одуматься, пора перестать быть равнодушными къ этому великому бѣдствію на Руси, пора стряхнуть съ себя духовную лѣнь и больше не подпускать къ себѣ и къ дѣтямъ нашимъ этихъ опасныхъ зачумленныхъ людей. Прочь лезть ихъ и обманъ, прочь коварное діавольское навожденіе. Оградимъ себя крестнымъ знаменіемъ, взглянемъ опасности прямо въ глаза. Вѣдь еще немного и люди превратятся въ хищныхъ звѣрей, станутъ громить жилища наши, грабить храмы Божіи, убивать другъ друга, какъ дѣлаютъ безумцы... Братья ужели мы допустимъ это? Ужели и теперь будемъ безучастно смотрѣть на всѣ эти безобразія? Но чтоже дѣлать? Что дѣлать? Вотъ вопросъ, неотступно терзающей душу.

Авторъ слова рекомендуетъ *прежде всего* принести Богу искреннее всенародное покаяніе и попытаться словами любви вразумить одержимыхъ духомъ смуты.

А затѣмъ—каждый изъ насъ есть сынъ родной земли, вѣрный подданный своего Царя. Можетъ ли сынъ быть равнодушнымъ къ стонамъ своей страдальцы-матери?.. Что сдѣлалъ бы ты, любящій сынъ, еслибы твой умалишенный братъ сталъ бить, мучить вашу общую мать, издѣваться надъ нею, позорить ее? О, конечно сама природа возопила бы къ тебѣ сло-



вами заповѣди Божіей: чти, люби, береги свою мать! Защити ее отъ безумца брата, лиши его возможности вредить ей! Еслибы твой, лишенный ума, потерявшій совѣсть братъ сталъ издѣваться, какъ Хамъ, надъ отцемъ вашимъ, ужели ты сталъ бы равнодушно смотрѣть на эти издѣвательства? Ужели ты не заставилъ бы молчать этого брата-безумца? Но вотъ смотри твою дорогую Мать, родную твою Русь, несчастные безумцы дѣти терзаютъ, собираются на части разорвать... Не кипитъ ли ревностью твое сердце, не потрясается ли отъ негодованія, справедливаго негодованія все твое существо? Что же тебѣ дѣлать?.. Опять спроси у своей совѣсти. Она напомнитъ тебѣ вѣрноподданническую твою присягу... Исполняй то, что отъ тебя потребуютъ слуги царицы, что скажутъ тебѣ пастыри Церкви. Будь готовъ умереть за Царя и за Русь... Вспомни, какъ простой посадскій человѣкъ, по нынѣшнему мѣщанинъ, Козьма Мининъ Сухорукъ, поднялъ Нижній, а за нимъ и всю Русь на защиту Родной Земли... Самъ Христосъ Спаситель подалъ намъ трогательный примѣръ человѣческой любви къ Своему родному городу, родному народу. Вспомните, какъ Онъ плакалъ-рыдалъ, смотря на Иерусалимъ... Намъ ли не любить земли отцевъ своихъ?..

Еслибы не примѣры недавняго прошлаго, мы ни за что не повѣрили бы, что подобное слово составлено православнымъ архипастыремъ. Характеристика не только настоящаго политическаго движенія, но и социализма, выдаетъ въ авторѣ столь совершенное невѣдѣніе, что можетъ показаться защитникамъ свободы сознательною ложью и клеветой. Призывая народъ въ справедливомъ негодованіи, съ сердцемъ кипящимъ ревностью, *подняться* на защиту родной земли, *умереть* за царя и за Русь, *лишить возможности* безумнаго брата вредить отечеству, *заставить молчать* этого безумца брата, собирающагося разорвать на части Русь и т. д., авторъ обнаруживаетъ полное забвеніе евангельскаго завѣта, безусловно запрещающаго отвѣчать насиліемъ на насиліе, зло побѣждать зломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенное непониманіе задачъ церкви, долженствующей призывать людей только къ любви и всепрощенію, и никогда къ внѣшней силѣ и враждѣ. Авторъ набрасываетъ тѣнь на Божественное Лице Христа Спасителя, указывая въ Немъ примѣръ такой любви къ родинѣ, которая допускаетъ насиліе и вообще употребленіе внѣшней силы.

Истинную оцѣнку этому слову дали въ открытомъ письмѣ женщины-москвички, приведши слѣдующія слова евангелія: „многіе скажутъ Мнѣ въ тотъ день: Господи, Господи не отъ Твоего ли имени мы пророчествовали? И не Твоимъ ли именемъ бѣсовъ изгоняли? И тогда объявлю имъ: Я никогда не зналъ васъ: отойдите отъ Меня дѣлающіе беззаконіе“ (Мат. VII, 22—23).

16 октября, въ день произнесенія несчастнаго слова, въ московской думѣ нѣкоторыми гласными было сдѣлано заявленіе, что въ храмахъ московскихъ читались листки, возбуждавшіе одну часть населенія противъ другой, что въ церкви Стараго Пимена одинъ студентъ, заявившій священнику, что не слѣдуетъ произносить такихъ рѣчей, выведенный изъ храма, подвергся нападению толпы, что въ церкви св. Ермолая во время чтенія слова раздавались враждебные возгласы толпы; предлагалось обратиться къ оберъ-прокурору св. синода съ просьбой воспретить въ синодальной типографіи печатаніе подобныхъ листковъ, чтобы православная церковь не дѣлалась орудіемъ борьбы между отдѣльными частями населенія. Дума постановила обратиться къ митрополиту московскому—принять соотвѣтствующія мѣры противъ возбужденія церковными проповѣдями населенія къ насилию (*Русск. Вѣд.* 17 окт.). 19 октября въ *Русскомъ Словѣ* появился „протестъ московскихъ пастырей“ (за подписью 76 священниковъ), въ которомъ заявлялось, что „большинство пастырей было возмущено его характеромъ и содержаніемъ, не соотвѣтствующими духу христіанской любви и кротости и способными, вмѣсто умиротворенія, внести раздоръ въ среду явившихся для молитвы и разжечь страсти ихъ до забвенія святости мѣста“. Составители „протеста“ „открыто заявляютъ о своей полной несолидарности съ тѣмъ возмутительнымъ, и по содержанію, и по тону рѣчи поученіемъ, которое ихъ обязывали читать. И самое обязательство читать подобныя поученія они считаютъ насиліемъ надъ ними“. Съ восторгомъ привѣтствуемъ мужественный протестъ московскихъ пастырей и видимъ въ немъ достойное начало предстоящихъ имъ трудовъ, направленныхъ къ обновленію нашей оміршившейся церкви. Съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія узнали мы и о состоявшемся 22 октября опредѣленіи св. синода, который „усмотрѣлъ въ

нѣкоторыхъ частяхъ сего поученія какъ бы призывъ мѣстнаго населенія къ самозащитѣ въ области политическихъ убѣжденій, что при одностороннемъ толкованіи могло послужить причиною междоусобнаго раздора среди населенія, проявившагося даже въ самыхъ храмахъ“.

19 октября на собраніи присяжныхъ повѣренныхъ было постановлено требовать отъ московской думы ходатайства о преданіи епархіальной власти церковному суду на основаніи каноническихъ правилъ. Вѣрные своему правилу имѣть дѣло не съ лицами, а съ идеями и принципами, мы смотримъ на фактъ съ иной точки зрѣнія. Намъ кажется, что дѣло тутъ не въ преступленіи опредѣленныхъ лицъ, а гораздо глубже. Несчастное „слово“ есть лишь зрѣлый плодъ того ядовитаго дерева, которое пышно расцвѣло на почвѣ существовавшего до сихъ поръ незаконнаго союза церкви и государства. Долгое время состоя на службѣ у государства, наша церковь въ довольно значительной своей части заразилась нѣкоторыми мірскими взглядами и утратила въ нѣкоторыхъ случаяхъ первоначальную чистоту своего ученія благодаря тенденціи—дать церковную санкцію существующимъ политическимъ формамъ и необходимымъ въ политической жизни насиліямъ. Отсюда возникли двѣ одинаково ложныя и одинаково распространенныя идеи: идея божественнаго установленія и незыблемости монархизма и идея нравственной дозволенности направленныхъ ко благу государства насилій. Отсюда явилась присяга, оправданіе войны съ христіанской точки зрѣнія и т. д. Что право прибѣгать къ насилію для возстановленія порядка должно принадлежать законной власти, это несомнѣнно. И никто ничего не возразилъ бы, еслибы это высказывалось какимъ нибудь профессоромъ политическихъ наукъ или юристомъ. Но служитель Христовъ, помня, что ученіе Христа не отъ міра сего, долженъ выяснять высшій идеалъ, говорить о неправомерности съ евангельской точки зрѣнія всякаго насилія, звать и законную власть къ замѣнѣ принудительнаго воздѣйствія нравственными мѣрами, предоставляя другимъ думать о томъ, насколько осуществимъ евангельскій идеалъ, и насколько необходимо по историческимъ и психологическимъ причинамъ отступленіе отъ него. Сдѣлавъ уступку въ одномъ, мы

открываемъ полный просторъ къ христіанскому оправданію едва ли не всякаго насилія.

Указанныя идеи, въ своемъ сочетаніи породившія злосчастное слово, вошли въ плоть и кровь, какъ мы сказали, значительной части нашей церкви и между прочимъ нашихъ архипастырей, на которыхъ особенно сильно сказывалось вредное дѣйствіе государственной опеки. Многие изъ нихъ со всею искренностью вѣрятъ въ свою правоту, воображаютъ себя истинными борцами за интересы церкви и за вѣру. Это великое несчастье русской церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ ея великій грѣхъ. На предстоящемъ церковномъ соборѣ русская церковь должна произвести судъ надъ собою, т. е. надъ своимъ прошлымъ. Несчастное „слово“ должно служить рукописаніемъ ея грѣха. Церковь должна принести покаяніе, очиститься и выйти чистой, свѣтлой, обновленной. Но судъ церкви надъ собою можетъ быть правымъ лишь въ томъ случаѣ, если въ этомъ судѣ будутъ участвовать не одни епископы, но пастыри и міряне, менѣе чувствовавшіе въ дѣлѣ вѣры тяжелую руку мірской власти и потому въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе сохранившіе чистоту вѣры Христовой.

Эти строки были уже написаны, когда мы имѣли радость прочесть появившееся въ газетахъ воззваніе группы петербургскихъ пастырей. Вотъ это истинно-апостольское посланіе.

Братья... Тяжелое, страшное, злое, нехристіанское совершается вокругъ насъ... Каждый день, каждый часъ приносить намъ извѣстія, одно ужаснѣе другого, о томъ, что совершается и на югѣ, и на сѣверѣ, и на востокѣ... Отъ кровавыхъ ужасовъ кровь стынетъ въ жилахъ, сердце разрывается отъ боли. Что будетъ, чѣмъ кончится пожаръ? Воображеніе не могло себѣ и представить возможности тысячныхъ томскихъ гекатомбъ... Христіане жгутъ сотнями женщинъ и даже дѣтей... А что можетъ случиться дальше? Можетъ быть, что-нибудь еще болѣе ужасное, отъ чего содрогнется весь міръ. „Осужденъ, чьи уста будутъ молчать въ эти дни“ кто съ крикомъ боли и ужаса, съ мольбой и протестомъ не встанетъ на дорогѣ насилія. Безмолвствовать не время; должно всѣмъ, у кого еще бьется сердце въ груди и дѣйствуетъ разумъ, на прячь свои силы, чтобы остановить начавшійся грозный потокъ всесокрушающаго зла... Братья, православные пастыри...

Вамъ прежде всего нужно возвысить свой пастьрскій голосъ... Проливается кровь нашихъ братьевъ по вѣрѣ, или братьевъ по одной съ нами родинѣ, какъ и мы, тоскующихъ ея горемъ, страдающихъ ея печалями. Гибнетъ наша паства... Избиваютъ христіанъ, или, что еще гораздо хуже,—христіане становятся убійцами... Пастьры—кровь убитыхъ на васъ. Мы не смѣемъ касаться Чаши Крови Господней, если не поднимемъ своего голоса, не встанемъ за Христову правду, Его завѣты, *потому что на рукахъ нашихъ эта кровь...* Мы слышали, братья, даже болѣе ужасное, чѣмъ самыя убійства. будто тѣ, кто проливаетъ кровь братьевъ своихъ, вѣрятъ и говорятъ, что они служатъ родинѣ своей, даже *отръ*, Господу Іисусу Христу. Мы слышали даже и то, что иногда пастьры повинны въ этомъ. Вѣрить ли этому? Служители Христа распинаютъ Его. Священники кровь Евхаристіи мѣшаютъ съ кровью убитыхъ. Вѣрить не хочется, но да, кажется, было и это. Остѣпилъ Господь сердца ихъ и отвратилъ Руку Свою отъ нихъ. Конечно, такіе священники—единицы. Но если бы ихъ даже и вовсе не было? Кто отвѣтственъ за преступленіе нашихъ сыновъ христіанъ? Почему мы растеряли дѣтей нашихъ? Мы должны говорить всѣмъ и прежде всѣхъ. Намъ открыта вѣчная истина, передъ которой не можетъ не преклониться каждый человѣкъ, всякая партія. Можемъ ли мы, носители „свободы Христовой“, не привѣтствовать наступленіе эры свободы для всѣхъ гражданъ Россіи, когда съ этой свободой грядетъ къ намъ свобода совѣсти, свобода человѣческой личности, когда „право гражданина“ несетъ и „права человѣка“. А если такъ, то не обязаны ли мы остановить ужасное попраніе всякаго права, до права жизни включительно. Мы не смѣемъ чужимъ „не-христіанамъ“ говорить, какъ своимъ и то же, что своимъ. Но мы можемъ имъ сказать, что съ этихъ дней для всѣхъ открыта широкая дверь мирной борьбы за свои идеалы. Мы можемъ имъ напомнить о естественномъ правѣ на жизнь и свободу каждого человѣка и всякаго искренняго убѣжденія. Развѣ мы не можемъ сказать всѣмъ, что кровь, чья бы она ни была, святая кровь, что проливать ее никому не дано права, что проливавшій чью бы то ни было кровь пятаетъ душу свою и гнѣвъ Божій зоветъ на голову дѣтей своихъ. Христіане убиваютъ евреевъ. Пастьры... Гдѣ были мы, когда совершалось

это злое дѣло? Говорили ли мы своимъ, что даже законъ евреевъ предписывалъ: „не обижай пришельца въ землѣ своей“, а мы ученики Того, Кто заповѣдалъ „новую заповѣдь“ любить даже враговъ?.. Говорили ли мы, что насильники совершаютъ грѣхъ и передъ родиной, которая хочетъ мира, и передъ святой свободой, которую мы получили?.. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ толпа избивала евреевъ въ день Пасхи... Какое кощунство, какое поруганіе Христа. Но теперь у насъ новая Пасха: народъ призванъ устроить свободу свою по совѣсти своей, и онъ преступленіемъ и кровью пятнаетъ свою свободу. Пусть кто-нибудь скажетъ, что тѣ, противъ кого возстають, виновны передъ русскимъ народомъ въ прошломъ... Не можемъ говорить объ этомъ: пусть есть какія-нибудь причины злобы противъ народа, который, стиснутый въ проклятой чертѣ осѣдлости, иногда мѣшалъ жить сосѣдямъ, самъ умирая отъ голода, но тогда должны примириться во имя свободы, заря которой свѣтитъ намъ; еще болѣе нужно бросить всякія насилія, *потому что „проклятіе Христово на насильниковъ“*. Вспомнимъ, что сказалъ Господь тѣмъ, которые хотѣли побить камнями даже явно обличенную грѣшницу. Пусть иногда даже намъ, пастырямъ, покажется, что ихъ идеалы не наши идеалы (каждый думаетъ по своему)—все же никто не смѣетъ не вѣрить, что искренни и честны ихъ мысли, что правды хотятъ они, что иногда они готовы душу свою отдать за то, что считаютъ благомъ не только своимъ, но и благомъ всей родины. А главное опять, не христіанамъ кровью и убійствомъ доказывать свою правду: на ризы Христовы падаетъ эта кровь, нашу литургію обращаетъ въ кощунство, нашу свободу позорить. Пастыри, поднимите крестъ ради Крови, на крестѣ пролитой—остановите кровь... Заставьте насильниковъ черезъ крестъ перешагнуть къ убійству, если уже они Христа забыли. И ради Господа, братья... Когда мы увидимъ, что люди, стоящіе у власти, въ слѣпомъ непониманіи своего долга, какъ власти, или въ слѣпой неприязни къ самому акту свободы, не мѣшаютъ преступленіямъ толпы и, слѣдовательно, хотя бы пассивно убиваютъ вмѣстѣ со всѣми, сочтемъ своимъ долгомъ съ пастырекой скорбью и гнѣвомъ указать на крестъ Христовъ и передъ ними раскрыть вѣчныя страницы великаго благовѣстія о свободѣ всѣхъ—Евангелія. Мы должны поднять свой голосъ противъ всякихъ насилій

отъ кого бы они ни шли, какъ мы должны кричать противъ всякихъ антихристіанскихъ предписаній („не жалѣть патронъ“ и т. п.). Какъ не жалѣть „человѣческія жизни“ и человѣческія души! Если казнь убійцы по существу съ христіанской точки зрѣнія преступнѣе самого убійства, то какъ судить эту преступную „игру человѣческими жизнями“? Священники, за Христа скажемъ свое слово... Братья, пастыри другихъ христіанскихъ исповѣданій, братья равнины, и вы помогите дѣлу любви. Если и ваши дѣти духовныя поднимаютъ руки свои, удержите ихъ. Если на нихъ поднимается рука убійць и здѣсь помогите дѣлу умиротворенія... Положимъ, что вы считаете вполне правыми своихъ дѣтей духовныхъ (хотя кто чистъ передъ чистотой Господней?)... Такъ что же? Мы и не судимъ ихъ, но все-таки скажите дѣтямъ своимъ, чтобы они, прощая то, что дѣлается въ ослѣпленіи, не подливали масла въ огонь, не раздражали пьяныхъ отъ зла и крови. И сами не выносили новаго зла, не позорили землю новой кровью (если и они не чисты отъ такого преступленія). Не можемъ къ вамъ обратиться отъ имени Христова, такъ во имя будущей свѣтлой работы вмѣстѣ, безъ вражды за благо общей намъ земли, просимъ васъ подать намъ руки... Къ міру и любви... Объединимся, чтобы вмѣстѣ во имя Единого строить благо изстрадавшейся родины и созидать въ „мѣру возраста совершенна“—нашу новорожденную, еще не вполне созрѣвшую свободу. Христосъ зоветъ! „Отець всѣхъ“—зоветъ...

Неужели мы увидимъ на предстоящемъ соборѣ авторовъ слова 16 октября и не услышимъ голоса достойнѣйшихъ составителей этого воззванія? Избави Богъ!

*В. Мышцынъ.*

---